

КНИГА ЗА КНИГОЙ

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

ДЕТГИЗ-1962

К Н И Г А   З А   К Н И Г О И

РУССКИЙ БОГАТЫРЬ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

*Былины
в пересказе для детей*
И. КАРНАУХОВОЙ

Рисунки Н. Кочергина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР ;
Москва 1962

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Как Илья из Мурома богатырём стал	3
Первый бой Ильи Муромца	10
Илья Муромец и Соловей-разбойник	16
Илья Муромец и <u>К</u> алин-царь	25

Издание 2-е

Для младшего школьного возраста

Ответственный редактор *Л. П. Шувалова*. Художественный редактор
Г. Ф. Ордынский. Технический редактор *М. Я. Басс*.
Корректор *Л. М. Николаева*.

Сдано в набор 25/X 1961 г. Подписано к печати 8/1 1962 г. Формат
60×90^{1/16}—2 печ. л. (1,31 уч.-изд. л.). Тираж 500 000 экз., ТП 1962 № 184.
Цена 5 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

КАК ИЛЬЯ ИЗ МУРОМА БОГАТЫРЁМ СТАЛ

В старину стародавнюю жил под городом Муромом, в селе Карачарове, крестьянин Иван Тимофеевич со своей женой Ефросиньей Яковлевной.

Был у них один сын, Илья.

Любили его отец с матерью, да только плакали, на него поглядывая: тридцать лет Илья на печи лежит, ни рукой, ни ногой не шевелит. И ростом богатырь Илья, и умом светел, и глазом зорек, а ноги его не носят — словно брёвна лежат, не шевелятся.

Слышит Илья, на печи лежучи, как мать плачет, отец вздыхает, русские люди жалуются: нападают на Русь враги, поля вытаптывают, людей губят, детей сиротят. По путям-дорогам разбойники рыщут, не дают они людям ни проходу, ни проезду. Налетает на

Русь Змей Горыныч, в своё логово девушек утаскивает.

Горько Илья, обо всём этом слыша, на судьбу свою жалуется:

— Эх вы, ноги мои нехожалые, эх вы, руки мои недержалые! Был бы я здоров — не давал бы родную Русь в обиду врагам да разбойникам!

Так и шли дни, катились месяцы...

Вот раз отец с матерью пошли в лес пни корчевать, корни выдирать — готовить поле под пахоту. А Илья один на печи лежит, в окошко поглядывает.

Вдруг видит — подходят к его избе три нищих странника. Постояли они у ворот, постучали железным кольцом и говорят:

— Встань, Илья, отвори калиточку.

— Злые шутки вы, странники, шутите: тридцать лет я на печи сиднем сижу, встать не могу.

— А ты приподнимись, Илюшенька!

Рванулся Илья — и спрыгнул с печи, стоит на полу и сам своему счастью не верит.

— Ну-ка, пройдишь, Илья!

Шагнул Илья раз, шагнул другой — крепко его ноги держат, легко его ноги несут.

Обрадовался Илья, от радости слова сказать не может. А каліки перехожие¹ ему говорят:

— Принеси-ка, Илюша, студёной воды.

Принёс Илья студёной воды ведро.

Налил странник воды в ковшичек:

— Попей, Илья. В этом ковше вода всех рек, всех озёр Руси-матушки.

---

¹ Каліки перехожие — странники.

Выпил Илья и почувял в себе силу богатырскую. А калики его спрашивают:

— Много ли чуешь в себе силушки?

— Много, странники. Кабы мне лопату — всю бы землю вспахал.

— Выпей, Илья, остаточек. В том остаточке всей земли роса: с зелёных лугов, с высоких лесов, с хлебородных полей. Пей.

Выпил Илья и остаточек.

— А теперь много в тебе силушки?

— Ох, калики перехожие, столько во мне силы, что, кабы было в небесах кольцо, ухватился бы я за него и всю землю русскую перевернул.

— Слишком много в тебе силушки. Надо поубавить, а то земля носить тебя не станет. Принеси-ка ещё воды.

Пошёл Илья по воду, а его и впрямь земля не несёт: нога в земле, что в болоте, вязнет, за дубок ухватился — дуб с корнем вон, цепь от колодца, словно ниточка, на куски разорвалась.

Уж Илья ступает тихохонько, а под ним половицы ломаются. Уж Илья говорит шёпотом, а двери с петьель срываются.

Принёс Илья воды, налили странники ещё ковшичек:

— Пей, Илья!

Выпил Илья воду колодезную.

— Сколько теперь в тебе силушки?

— Во мне силушки половинушка.

— Ну и будет с тебя, мо́лодец. Будешь ты, Илья, велик богатырь, бейся-ратайся с врагами земли род-

ной, с разбойниками да с чудищами. Защищай вдов, сирот, малых деточек. Никогда только, Илья, со Святогором не спорь — через силу носит его земля. Ты не ссорься с Микулой Селяниновичем — его любит мать сыра земля. Не ходи ещё на Вольгу Всеславьевича — он не силой возьмёт, так хитростью-мудростью. А теперь прощай, Илья.

Поклонился Илья каликам переходим, и ушли они за околицу.

А Илья взял топор и пошёл на поля-луга к отцу с матерью. Видит — малое местечко от пенья-коренья расчищено, а отец с матерью, от тяжёлой работы умаявшись, спят крепким сном: люди старые, а работа тяжёлая.

Стал Илья лес расчищать — только щепки полетели. Старые дубы с одного взмаха валит, молодые с корнем из земли рвёт.

За три часа столько поля расчистил, сколько вся деревня за три дня не осилит. Развалил он поле великое, спустил деревья в глубокую реку, воткнул топор в дубовый пень, ухватил лопату да грабли и вскопал и выровнял поле широкое — только знай зерном засевай!

Проснулись отец с матерью, удивились, обрадовались, добрым словом вспомнили старичков странников.

А Илья пошёл себе коня искать.

Вышел он за околицу и видит: ведёт мужичок жеребёнка рыжего, косматого, шелудивого. Вся цена жеребёнку грош, а мужик за него непомерных денег требует: пятьдесят рублей с полтиною.

Купил Илья жеребёнка, привёл домой, поставил в конюшню; белоярой пшеницей откармливал, ключевой водой отпаивал, чистил, холил, свежей соломы подкладывал.

Через три месяца стал Илья Бурушку на утренней заре на луга выводить. Повалился жеребёнок по зоревой росе — стал богатырским конём.

Подводил его Илья к высокому тыну. Стал конь поигрывать, поплясывать, головой повёртывать, гривой потряхивать. Стал через тын взад-вперёд перепрыгивать. Десять раз перепрыгнул и копытом не задел. Положил Илья на Бурушку руку богатырскую — не пошатнулся конь, не шелохнулся конь.

— Добрый конь! — говорит Илья. — Будет он мне верным товарищем.

Стал Илья себе меч по руке искать. Как сожмёт в кулаке рукоятку меча — сокрушится рукоять, рассыплется. Нет Илье меча по руке. Бросил Илья мечи бабам — лучину щепать. Сам пошёл в кузницу, три стрелы себе выковал, каждая стрела весом в целый пуд. Изготовил себе тугой лук, взял копьё долгомерное да ещё палицу булатную¹.

Снарядился Илья и пошёл к отцу с матерью:

— Отпустите меня, батюшка с матушкой, в стольный² Киев-град, к князю Владимиру. Буду служить Руси родной верой-правдой, беречь землю русскую от недругов-ворогов.

Говорит старый Иван Тимофеевич:

---

¹ П а л и ц а б у л а т н а я — тяжёлая стальная дубинка с утолщённым концом.

² С т о л ь н ы й — столичный, главный.

— Я на добрые дела благословляю тебя, а на худые дела моего благословения нет. Защищай нашу землю русскую не для золота, не из корысти, а для чести, для богатырской славушки. Зря не лей крови людской, не слези матерей да не забывай, что ты роду чёрного, крестьянского.

Поклонился Илья отцу с матерью до сырой земли и пошёл седлать Бурушку-Косматушку. Положил на коня войлочки, а на войлочки — потнички, а потом седло черкасское с двенадцатью подпругами шелковыми, а с тринадцатой железной, не для красоты, а для крепости.

Захотелось Илье свою силу попробовать.

Он подъехал к Оке-реке, упёрся плечом в высокую гору, что на берегу была, и свалил её в реку Оку. Завалила гора русло, потекла река по-новому.

Взял Илья хлебца ржаного корочку, опустил её в реку Оку, сам Оке-реке приговаривал:

— А спасибо тебе, матушка Ока-река, что поила, что кормила Илью Муромца.

На прощанье взял с собой земли родной малую горсточку, сел на коня, взмахнул плёточкой...

Видели люди, как вскочил на коня Илья, да не видели, куда поскакал. Только пыль по полю столбом поднялась.

ПЕРВЫЙ БОЙ ИЛЬИ МУРОМЦА

Как хватил Илья коня плёточкой, взвился Бурушка-Косматушка, проскочил полторы версты¹. Где ударили копыта конские, там забил ключ живой воды. У ключа Илюша сырой дуб срубил, над ключом сруб поставил, написал на срубе такие слова: «Ехал здесь русский богатырь, крестьянский сын Илья Иванович».

До сих пор льётся там родничок живой, до сих пор стоит дубовый сруб, а в ночи к ключу студёному ходит зверь-медведь воды испить и набраться силы богатырской.

И поехал Илья к Киеву.

---

¹ Верста́ — старая русская мера длины, немного больше километра.

Ехал он дорогой прямоезжей мимо города Чернигова. Как подъехал он к Чернигову, услышал под стенами шум и гам: обложили город татар тысячи. От пыли, от пару лошадиного над землёю мгла стоит, не видно на небе красного солнышка. Не праскочить меж татар серому заюшке, не пролететь над ратью ясному соколу.

А в Чернигове плач да стон, звенят колокола похоронные.

Заперлись черниговцы в каменный собор¹, плачут, молятся, смерти дожидаются: подступили к Чернигову три царевича-татарина, с каждым силы сорок тысячей.

Разгорелось у Ильи сердце. Осадил он Бурушку, вырвал из земли зелёный дуб с камнями да с кореньями, ухватил за вершину да на татар бросился. Стал он дубом помахивать, стал конём врагов потапывать. Где махнёт — там станет улица, отмахнётся — переулочек.

Доскакал Илья до трёх царевичей, ухватил их за волосы и говорит им такие слова:

— Эх вы, татары-царевичи! В плен мне вас взять или буйные головы с вас снять? В плен вас взять — так мне девать вас некуда, я в дороге — не дома сижу, у меня хлеб в мешке считанный, для себя, не для нахлебников. Гóловы с вас снять — чести мало богатырю Илье Муромцу. Разъезжайтесь-ка вы по своим местам, по своим ордам, да разнесите весть по всем

Собор — главная или большая церковь в городе, в старину обычно самое большое здание города.

врагам, что родная Русь не пуста стоит — есть на Руси сильные, могучие богатыри, пусть об этом враги подумают.

Тут поехал Илья в Чернигов-град. Заходил он в каменный собор, а там люди плачут, обнимаются, с белым светом прощаются.

— Здравствуйте, мужички черниговские. Что вы, мужички, плачете, обнимаетесь, с белым светом прощаетесь?

— Как нам не плакать: обступили Чернигов три царевича, с каждым силы сорок тысячей, — вот нам и смерть идёт.

— Вы идите на стену крепостную, посмотрите в чистое поле, на вражью рать.

Шли черниговцы на стену крепостную, глянули в чистое поле, а там врагов побито-повалено — будто градом нива выбита, пересечена.

Бьют челом Илье черниговцы, несут ему хлеб-соль, серебро, золото, цветные ткани, дорогие меха.

— Добрый молодец, русский богатырь, ты какого роду-племени? Какого отца, какой матушки? Как тебя по имени зовут? Ты иди к нам в Чернигов воеводой¹, будем все мы тебя слушаться, тебе честь отдавать, тебя кормить-поить, будешь ты в богатстве и почёте жить.

Покачал головой Илья Муромец:

— Добрые мужички черниговские, я из-под города из-под Мурома, из села Карачарова, русский

---

¹ Воевóда — начальник города в старой Руси, предводитель воинов, воев по древнерусскому.

богатырь, крестьянский сын. Я спасал вас не из корысти, и не надо мне ни серебра, ни золота. Я спасал русских людей, красных девушек, малых деточек, старых матерей. Не пойду я к вам воеводой в богатстве жить. Моё богатство — сила богатырская, моё дело — Руси служить, её от врагов оборонять.

Стали просить Илью черниговцы хоть денёк у них перебыть, попить на весёлом пиру, а Илья и от этого отказывается:

— Некогда мне; люди добрые. На Руси от врагов стон стоит, надо мне скорее к князю добираться, за дело браться. Дайте вы мне на дорогу хлеба да ключевой воды и покажите дорогу прямую к Киеву.

Задумались черниговцы, запечалились:

— Эх, Илья Муромец, прямая дорога к Киеву травой заросла, тридцать лет по ней никто не ездил...

— Что такое?

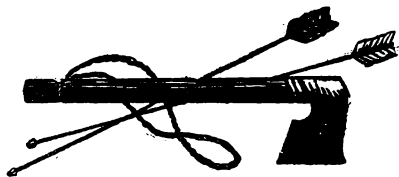
— Засел там у речки Смородинной Соловей-разбойник, сын Рахманович. Он сидит на трёх дубах, на девяти суках. Как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному — все леса к земле клонятся, цветы осыпаются, травы сохнут, а люди да лошади мёртвыми падают. Поезжай ты, Илья, дорогой окольной. Правда, прямо до Киева триста вёрст, а окольной дорогой — целая тысяча.

Помолчал Илья Муромец, а потом головой потряхнул:

— Не честь, не хвала мне, молодцу, ехать дорогой окольной, позволять Соловью-разбойнику мешать

людям к Киеву путь держать. Поеду я дорогой прямой, неезженной!

Вскочил Илья на коня, хлестнул Бурушку плёткой, да и был, таков, только его черниговцы и видели!

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

качет Илья Муромец во всю конскую прыть. Бурушка-Косматушка с горы на гору пере-скакивает, реки-озёра перепрыгивает, через холмы перелётывает.

Доскакали они до Брынских лесов. Дальше Бурушке скакать нельзя: разлеглись болота зыбучие, конь по брюхо в воде тонет.

Соскочил Илья с коня. Он левой рукой Бурушку поддерживает, а правой рукой дубы с корнем рвёт, настиляет через болото настилы дубовые. Тридцать вёрст Илья гати¹ настелил — до сих пор по ней люди добрые ездят.

¹ Гать — настил из брёвен или хвороста для проезда через болото.

Так дошёл Илья до речки Смородинной. Течёт река широкая, бурливая, с камня на камень перекатывается.

Заржал Бурушка, взвился выше тёмного леса и одним скачком перепрыгнул реку.

Сидит за рекой Соловей-разбойник на трёх дубах, на девяти суках. Мимо тех дубов ни сокол не пролетит, ни зверь не пробежит, ни гад не проползёт. Все боятся Соловья-разбойника, никому умирать не хочется...

Услыхал Соловей конский скок, привстал на дубах, закричал страшным голосом:

— Что за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? Спать не даёт Соловью-разбойнику!

Да как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, зашипит по-змеиному, так вся земля дрогнула, столетние дубы покачнулись, цветы осыпались, трава полегла. Бурушка-Косматушка на колени упал.

А Илья в седле сидит — не шевельнётся, русые кудри на голове не дрогнут. Взял он плётку шелковую, ударил коня по крутым бокам:

— Травяной ты мешок, не богатырский конь! Не слыхал ты разве писку птичьего, шипу гадючьего? Вставай на ноги, подвези меня ближе к Соловьиному гнезду, не то волкам тебя брошу на съедение!

Тут вскочил Бурушка на ноги, подскакал к Соловьиному гнезду.

Удивился Соловей-разбойник, из гнезда высунулся.

А Илья, минуточки не мешкая, натянул тугой

лук, спустил калёную стрелу — небольшую стрелу, весом в целый пуд.

Взвыла тетива, полетела стрела — угодила Соловью в правый глаз, вылетела через левое ухо. Покатился Соловей из гнезда, словно овсяный сноп. Подхватил его Илья на руки, связал крепко ремнями сыромятными, подвязал к левому стремени.

Глядит Соловей на Илью, слово вымолвить боится.

— Что глядишь на меня, разбойник? Или русских богатырей не видывал?

— Ох, попал я в крепкие руки, видно, не бывать мне больше на волюшке!

Поскакал Илья дальше по прямой дороге и на скакал на подворье Соловья-разбойника. У него двор на семи верстах, на семи столбах, у него вокруг железный тын, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке голова богатыря убитого. А на дворе стоят палаты¹ белокаменные, как жар горят крылечки золочёные.

Увидела дочка Соловья богатырского коня, закричала на весь двор:

— Едет, едет наш батюшка Соловей Рахманович, везёт у стремени мужичишку-деревенщину!

Выглянула в окно жена Соловья-разбойника, руками всплеснула:

— Что ты говоришь, неразумная! Это едет мужик-деревенщина и у стремени везёт твоего батюшку — Соловья Рахмановича!

---

¹ П а л а т а — дворец, большое красивое здание.

Выбежала дочка Соловья во двор, ухватила доску железную весом в девяносто пудов и метнула её в Илью Муромца. Но Илья ловок да увёртлив был, отмахнул доску богатырской рукой. Полетела доска обратно, попала в дочку Соловья, убила её до смерти.

Бросилась жена Соловья Илье в ноги:

— Ты возьми у нас, богатырь, серебро, золото, бесценного жемчуга, сколько может увезти твой богатырский конь, — отпусти только нашего батюшку, Соловья-разбойника!

Говорит ей Илья в ответ:

— Мне подарков неправедных не надобно. Они добыты слезами детскими, они политы кровью русскою, нажиты нуждой крестьянскою. Как в руках разбойник — он всегда тебе друг, а отпустишь — снова с ним наплачешься. Я свезу Соловья в Киевград, там на квас пропью, на калачи проем!

Повернул Илья коня и поскакал к Киеву. Приумолк Соловей, не шелóхнется.

Едет Илья по Киеву, подъезжает к палатам княжеским. Привязал он коня к столбику точёному, оставил у стремени Соловья-разбойника, а сам пошёл в светлую горницу.

Там у князя Владимира пир идёт, за столами сидят богатыри русские. Вошёл Илья, поклонился, стал у порога:

— Здравствуй, князь Владимир с княгиней Апраксией! Принимаешь ли к себе заезжего молодца?

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

— Ты откуда, добрый молодец? Как тебя зовут? Какого роду-племени?

— Зовут меня Ильёй. Я из-под Мурома. Крестьянский сын из села Карачарова. Ехал я из Чернигова дорогой прямоезжей.

Тут как вскочит из-за стола Алёшка Попович:

— Князь Владимир, ласковое наше солнышко, в глаза мужик над тобой насмехается, завирается! Нельзя ехать дорогой прямой из Чернигова — там уж тридцать лет сидит Соловей-разбойник, не пропускает ни конного, ни пешего. Гони, князь, нахала-деревенщину из дворца долой!

Не взглянул Илья на Алёшку Поповича, поклонился князю Владимиру:

— Я привёз тебе, князь, Соловья-разбойника: он на твоём дворе, у коня моего привязан. Ты не хочешь ли поглядеть на него?

Повскакали тут с мест князь с княгинею и все богатыри, поспешили за Ильёй на княжеский двор. Подбежали к Бурушке-Косматушке.

А разбойник висит у стремени, травяным мешком висит, по рукам-ногам ремнями связан. Левым глазом глядит он на Киев и на князя Владимира.

Говорит ему князь Владимир:

— Ну-ка, засвищи по-соловьиному, зарычи по-звериному.

Не глядит на него Соловей-разбойник, не слушает:

— Не ты меня с бою брал — не тебе мне приказывать.

Просит тогда Владимир-князь Илью Муромца:

— Прикажи ты ему, Илья Иванович.

— Хорошо, только ты на меня, князь, не гневайся, а закрою я тебя с княгинею полами моего кафтана крестьянского, а то как бы беды не было! А ты, Соловей Рахманович, делай что тебе приказано.

— Не могу я свистать, у меня во рту запеклось.

— Дайте Соловью чару сладкого вина в полтора ведра, да другую пива горького, да третью мёду хмельного, закусить дайте калачом крупичатым — тогда он засвищет, потешит нас.

Напоили Соловья, накормили, приготовился Соловей свистать.

— Ты смотри, Соловей, — говорит Илья, — ты не смей свистать во весь голос, а свистни ты полусвистом, зарычи полурыком, а то будет худо тебе.

Не послушал Соловей наказа Ильи Муромца, захотел он разорить Киев-град, захотел убить князя с княгиней, всех русских богатырей. Засвистел он во весь соловьиный свист, заревел во всю мочь, зашипел во весь змеиный шип.

Что тут сделалось!

Маковки на теремах покривились, крылечки от стен отвалились, окóленки¹ во горницах рассыпались, разбежались кони из конюшен, все богатыри на землю упали, на четвереньках по двору расползлись. Сам князь Владимир еле живой стоит, шатается, у Ильи под кафтаном прячется.

Рассердился Илья на разбойника:

— Я велел тебе князя с княгиней потешить, а ты

---

¹ Окóленка — оконная рама.

сколько бед натворил! Ну, теперь я с тобой за всё рассчитаюсь. Полно тебе слезить отцов-матерей, полно вдовить молодущек, сиротить детей, полно разбойничать!

Взял Илья саблю острую, отрубил Соловью голову. Тут Соловью и конец настал.

— Спасибо тебе, Илья Муромец, — говорит Владимир-князь. — Оставайся в моей дружине, будешь старшим богатырём, над другими богатырями начальником. И живи ты у нас в Киеве — век живи, отныне и до смерти.

И пошли они пир пировать.

Князь Владимир посадил Илью около себя, около себя, против княгинюшки. Алёше Поповичу обидно стало; схватил Алёша со стола булатный нож и метнул его в Илью Муромца. На лету поймал Илья острый нож и воткнул его в дубовый стол. На Алёшу он и глазом не взглянул.

Подошёл к Илье вежливый Добрынюшка:

— Славный богатырь Илья Иванович, будешь ты у нас в дружине старшим. Ты возьми меня и Алёшу Поповича в товарищи. Будешь ты у нас за старшего, а я и Алёша — за младшеньких.

Тут Алёша распалился, на ноги вскочил:

— Ты в уме ли, Добрынюшка? Сам ты роду боярского, я из старого роду поповского, а его никто не знает, не ведает. Принесло его невесть откуда, а чудит у нас в Киеве, хвастает!

Был тут славный богатырь Самсон Самойлович. Подошёл он к Илье и говорит ему:

— Ты, Илья Иванович, на Алёшу не гневайся. Роду он поповского, хвастливого, лучше всех бранится, лучше хвастает.

Тут Алёша криком закричал:

— Да что же это делается! Кого русские богатыри старшим выбрали? Деревенщину лесную, неумную!

Тут Самсон Самойлович слово вымолвил:

— Много ты шумишь, Алёшенька, и неумные речи говоришь. Деревенским людом Русь кормится. Да и не по роду-племени слава идёт, а по богатырским делам да подвигам. За дела и слава Илюшеньке!

А Алёша, как щенок на тура¹, гавкает:

— Много ли он славы добудет, на весёлых пирах меды попиваючи!

Не стерпел Илья, вскочил на ноги:

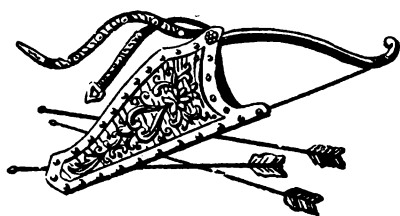
— Верное слово молвил поповский сын — не годится богатырю на пиру сидеть, живот растить. Отпусти меня, князь, в широкие степи — поглядеть, не рыщет ли враг по родной Руси, не залегли ли где разбойники.

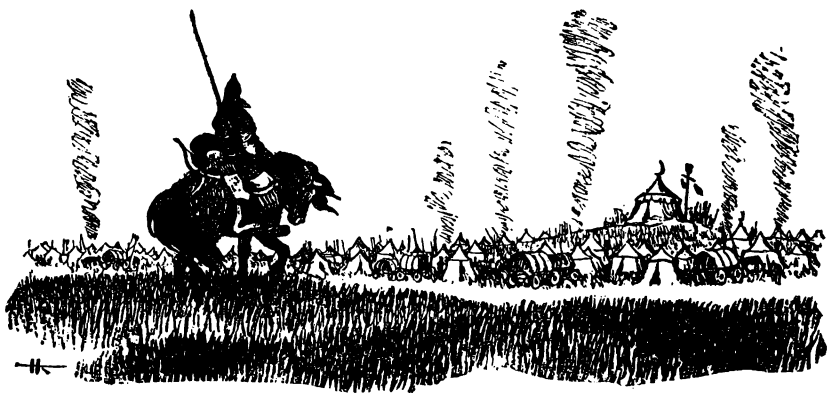
И вышел Илья из гридни² вон.

---

¹ Тур — дикий бык.

² Гридня — помещение при дворце для княжеской дружины,

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ

ного лет Илья Муромец на заставах стоял, воевал с врагами Руси-матушки. Он с коня не слезал, богатырский меч из рук не выпускал, ни хором себе не построил, ни семьи себе не завёл. А приехал раз в стольный Киев-град, разгневал на пиру князя Владимира. Тут не вспомнил князь о ратных подвигах, не посмотрел на честь богатырскую — засадил Илью в погреба холодные, за замки чугунные, за решётки железные.

Не понравилось это другим богатырям, они сели на добрых коней и уехали прочь из Киева.

Тихо, скучно у князя в горнице.

Не с кем князю совет держать, не с кем пир пи-

ровать, на охоту ездить. Ни один богатырь в Киев не заглядывает.

А Илья сидит в глубоком погребе. На замки заперты решётки железные, завалены решётки дубьём, корневищами, засыпаны для крепости жёлтым песком. Не пробраться к Илье даже мышке серенькой.

Тут бы старому и смерть пришла, да была у князя дочка-умница. Знает она, что Илья Муромец мог бы от врагов защитить Киев-град, мог бы постоять за русских людей, уберечь от горя и матушку и князя Владимира.

Вот она гнева княжеского не побоялась, взяла ключи у матушки, приказала верным своим служачкам подкопать к погребу подкопы тайные и стала носить Илье Муромцу кушанья и меды сладкие.

Сидит Илья в погребе жив-здоров, а Владимир думает — его давно на свете нет.

Сидит раз князь в горнице, горькую думу думает. Вдруг слышит — по дороге скачет кто-то; копыта бьют, будто гром гремит. Повалились ворота тесовые, задрожала вся горница, половицы в сенях подпрыгнули. Сорвались двери с петель кованых, и вошёл в горницу татарин — посол от самого царя татарского Калина.

Сам гонец ростом со старый дуб, голова — как пивной котёл.

Подает гонец князю грамоту, а в той грамоте писано:

«Я, царь Калин, татарами правил. Татар мне мало — я Русь захотел. Ты сдавайся мне, князь Киевский, не то всю Русь я огнём сожгу, конями потопчу,

запрягу в телеги мужиков, порублю детей и стариков, тебя, князь, заставлю коней стеречь, княгиню — на кухне лепёшки печь».

Тут Владимир-князь разохался, расплакался, пошёл к княгине Апраксии:

— Что мы будем делать, княгинюшка? Рассердил я всех богатырей, и теперь нас защитить некому. Верного Илью Муромца заморил я глупой смертью, голодной. И теперь придётся нам бежать из Киева.

Говорит князю его молодая дочь:

— Пошли, батюшка, поглядеть на Илью — может, он ещё живой в погребке сидит.

— Эх ты, дурочка неразумная! Если снимешь с плеч голову, разве прирастёт она? Может ли Илья три года без пищи сидеть? Давно уже его косточки в прах рассыпались.

А она одно твердит:

— Пошли слуг поглядеть на Илью.

Послал князь раскопать погребка глубокие, открыть решётки чугунные.

Открыли слуги погребка, а там Илья живой сидит, перед ним свеча горит. Увидали его слуги, к князю бросились.

Князь с княгиней спустились в погребка. Кланяется князь Илье до сырой земли:

— Помоги нам, Илюшенька! Обложила татарская рать Киев с пригородами. Выходи, Илья, из погребка, стой за меня.

— Я три года по твоему указу в погребках просидел, не хочу я за тебя стоять!

Поклонилась ему княгинюшка:

— За меня постой, Илья Иванович!

— Для тебя я из погребца не выйду вон.

Что тут делать? Князь молит, княгиня плачет, а Илья на них глядеть не хочет.

Вышла тут молодая княжеская дочь, поклонилась Илье Муромцу:

— Не для князя, не для княгини, не для меня, молодой, а для бедных вдов, для малых детей — выходи, Илья Иванович, из погребца, ты постой за русских людей, за родную Русь!

Встал тут Илья, расправил богатырские плечи, вышел из погребца, сел на Бурушку-Косматушку, поскакал в татарский стан. Ехал-ехал — до татарского войска доехал.

Взглянул Илья Муромец, головой покачал: в чистом поле войска татарского видимо-невидимо. Серой птице вокруг в день не облететь, быстрому коню в неделю не объехать.

Среди войска татарского стоит золотой шатёр. В том шатре сидит Калин-царь. Сам царь — как столетний дуб, ноги — брёвна кленовые, руки — грабли еловые, голова — как медный котёл, один ус золотой, другой серебряный.

Увидел царь Илью Муромца, стал смеяться, бородой трясти:

— Налетел щенок на больших собак! Где тебе со мной справиться — я тебя на ладонь посажу, другой хлопну, только мокрое место останется! Ты откуда такой выскочил, что на Калина-царя тьявкаешь?

Говорит ему Илья Муромец:

— Раньше времени ты, Калин-царь, хвастаешь.

Не велик я богатырь, старый казак Илья Муромец, а, пожалуй, и я не боюсь тебя!

Услыхал это Калин-царь, вскочил на ноги:

— Слухом о тебе земля полнится. Коли ты тот славный богатырь Илья Муромец, так садись со мной за дубовый стол, ешь мои кушанья сладкие, пей мои вина заморские, не служи только князю русскому — служи мне, царю татарскому.

Рассердился тут Илья Муромец:

— Не бывало на Руси изменников! Я не пировать с тобой пришёл, а с Руси тебя гнать долой.

Снова начал его царь уговаривать:

— Славный русский богатырь Илья Муромец, есть у меня две дочки, у них косы как воронье крыло, у них глазки словно щёлочки, платье шито яхонтом да жемчугом. Я любую за тебя замуж отдам, будешь ты мне любимым зятюшкой.

Ещё пуще рассердился Илья Муромец:

— Ах ты, чучело заморское, испугался духа русского! Выходи скорее на смертный бой — выну я свой богатырский меч, на твоей шее посватаюсь.

Тут взъярился и Калин-царь. Вскочил на ноги кленовые, кривым мечом помахивает, громким голосом покрикивает:

— Я тебя, деревенщина, мечом порублю, копьём поколю, из твоих костей похлёбку сварю!

Стал у них тут великий бой. Они мечами рубятся — только искры из-под мечей брызгают. Изломали мечи и бросили. Они копьями колются — только ветер шумит да гром гремит. Изломали копья и бросили. Стали биться они руками голыми.

Калин-царь Илюшеньку бьёт и гнёт, белые руки его ломает, резвые ноги его подгибает. Бросил царь Илью на сырой песок, сел ему на грудь, вынул острый нож.

— Распорю я тебе грудь могучую, посмотрю в твоё сердце русское.

Говорит ему Илья Муромец:

— В русском сердце прямая честь да любовь к Руси-матушке.

Калин-царь ножом грозит, издевается:

— А и впрямь невелик ты богатырь, Илья Муромец; верно; мало хлеба кушаешь.

— А я съем калач да и сыт с того.

Рассмеялся татарский царь:

— А я ем три печи калачей, в щях съедаю быка целого!

— Ничего, — говорит Илюшенька. — Была у моего батюшки корова-обжорище, она много ела-пила да и лопнула.

Говорит Илья, а сам тесней к русской земле прижимается. От русской земли к нему сила идёт, по жилушкам Ильи перекачивается, крепит ему руки богатырские.

Замахнулся на него ножом Калин-царь, а Илюшенька как двинется — слетел с него Калин-царь, словно пёрышко.

— Мне, — Илья кричит, — от русской земли силы втрое прибыло!

Да как схватит он Калина-царя за ноги кленовые, стал кругом татарин помахивать, бить-крушить им войско татарское. Где махнёт — там станет улица,

отмахнётся — переулочек. Бьёт-крушит Илья, приго-варивает:

— Это вам за малых детушек! Это вам за кровь крестьянскую! За обиды злые, за поля пустые! За грабёж лихой, за разбой, за всю землю русскую!

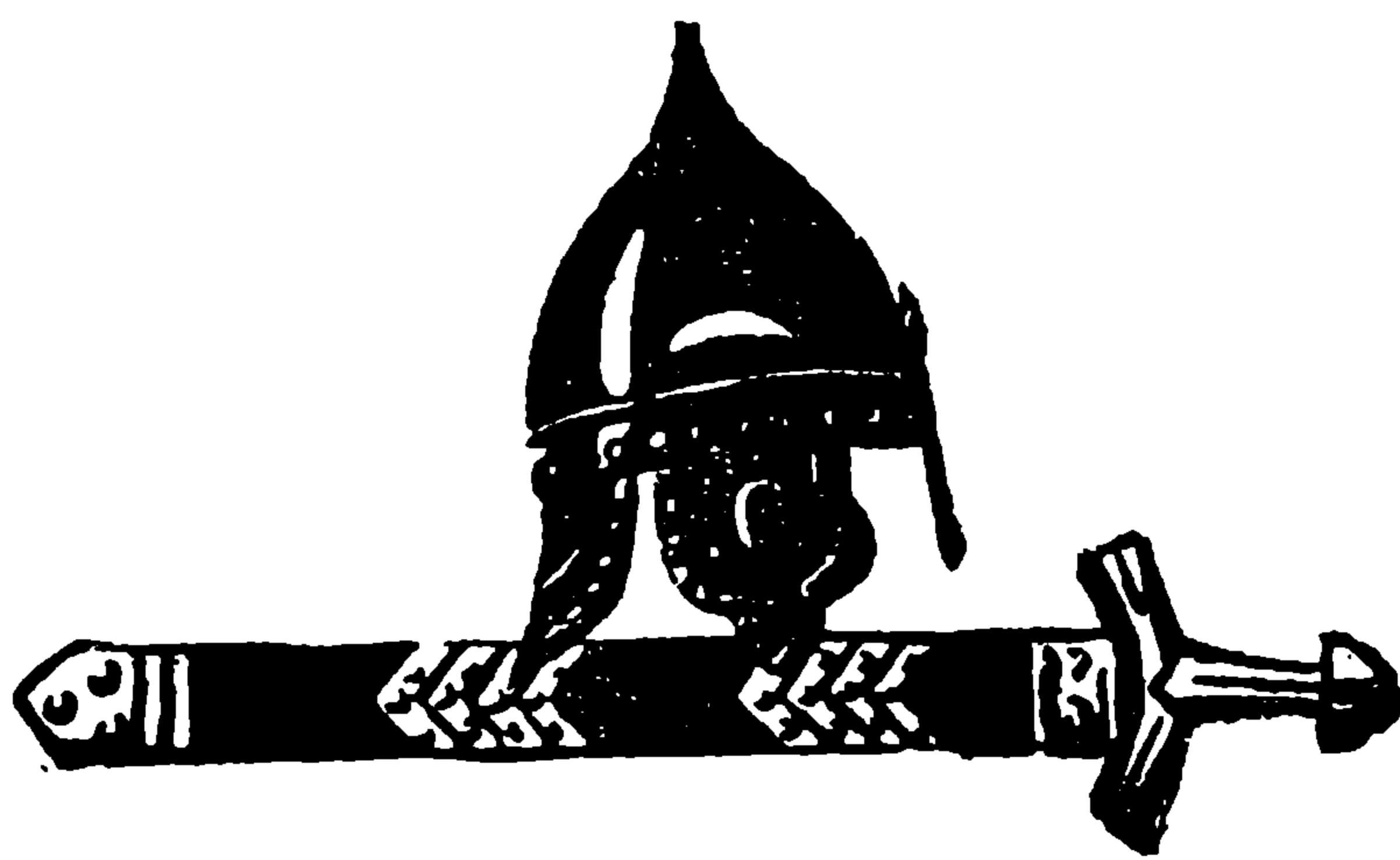
Тут татары на убёг пошли. Через поле бегут, громким голосом кричат:

— Ай, не приведись нам видеть русских людей, не встречать бы больше русских богатырей!

Бросил Илья Калина-царя, словно ветошку негодную.

Полно с тех пор на Русь ходить!

Слава, слава родной Руси! Не скакать врагам по нашей земле, не топтать их коням землю русскую, не затмить им солнце наше красное!

Цена 5 коп.

ОСР: Угленко Александр